

ДИАГОНАЛЬ ИЗИДЫ

Работая над мистикой биографий духовных мастеров последнего времени (Эпохи Культуры), я обратил внимание на двойное усиление астрософийной определённости прихода на землю некоторых из них, у которых день и месяц рождения совпадают в числовом отношении. Исследуя двенадцать дней соответствующих месяцев, я выяснил, что почти всегда они совпадают с праздниками в честь лунных божеств (в большинстве – богинь), что и неудивительно в структуре европейского календаря, который основан на *солнечном* годе и лунных *месяцах* (последний феномен фиксирован в самом названии тридцатидневного периода внутри годового цикла). В знаковом аспекте они занимают среднюю, самую “отборную” декаду (плюс два дня) соответствующей зодиакальности: 1/І – Козерог: – 21/ХІІ – 21/І и 12/ХІІ – Стрелец: 22/ХІ – 21/ХІІ.

Поскольку госпожой Луны является *Великая Жрица* (2-й аркан Таро), то, выстроив соответствующую схему на основе шахматной доски – насика (с нулевой точкой в левом нижнем углу, как на системе осей координат), мы получаем следующую картину (Схема 1).

Рассмотрим каждую дату в отдельности.

1/І. Козерог

Первое января – Праздник Семи Божеств Удачи в Японии и праздник богини Фортуны в Древнем Риме.

Семь Божеств Удачи приносят людям счастье, даруют высокие добродетели. Это Эбису, Дайкоку-тэн, Хотэй, Дзюродзин, Фукуродзю, Бисямон-тэн, Бенсай-тэн. Выражают высокий ансамблевый принцип в божественной сфере; имеют образцом мифологическую компанию «семи китайских мудрецов из бамбуковой рощи», популярную в континентальном философском фольклоре, а с XIII века захватившую и Японию. Постепенно за каждым из божеств была

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

	Уран 1 Маг	Луна 2 Жрица	Венера 3 Императрица	Юпитер 4 Император	Овен 5 Жрец	Телец 6 Возлюбленный	Близнецы 7 Колесница	Рак 8 Правосудие	Лев 9 Отшельник	Дева 10 Колесо Фортуны	Марс 11 Сила	Весы 12 Повешенный
12												
11												
10												
9												
8												
7												
6												
5												
4												
3												
2												
1												
	I янв.	II фев.	III март	IV апр.	V май	VI июнь	VII июль	VIII авг.	IX сент.	X окт.	XI нбр.	XII дек.

1/I	Козерог	7/VII	Рак
2/II	Водолей	8/VIII	Лев
3/III	Рыбы	9/IX	Дева
4/IV	Овен	10/X	Весы
5/V	Телец	11/XI	Скорпион
6/VI	Близнецы	12/XII	Стрелец

Схема 1

закреплена определённая добродетель, вернее, вид счастья: долгая жизнь, материальное благополучие, честность, удовлетворённость жизнью, известность, мудрость, сила. Обычно вся группа изображалась плывущей на «корабле сокровищ» – такарабунэ (он перевозит в лучший мир – по ту сторону моря). Считается, что такарабунэ при исполнении в самом начале года определённых ритуалов обеспечивает человеку благоденствие на год. Наряду с высокими даосскими мотивами в культе Семи Божеств Удачи присутствует и характерное для японцев восприятие буддизма: божества буддийского пантеона должны обеспечивать «блага в этом мире».

В Японии Семи Божествам Удачи был посвящён трёхдневный праздник Сан-га-ничи. В это время в доме не подметали, чтобы не вымести удачу. Вариант «Семь Богов Счастья» по-японски звучит как Шичи Фукужин или Шичи Кукужин. Перечисленные божества имели следующую спецификацию: Эбису – покровитель труда; Дайкоку-тэн – бог процветания; Хотэй – бог удачи; Дзюродзин – бог счастья и долголетия; Фукуродзю – бог счастья и долгой жизни; Бисямон-тэн – бог несчастья и войны; Бэнсай-тэн – богиня любви и музыки, красноречия и изящных искусств. Как видим, на одного отрицательного Бисямон-тэна приходится два положительных: Дзюродзин и Фукуродзю с почти тавтологическими функциями. Не обошлось и без “гейши” – ею является Бэнсай-тэн. Китайская сугубо мужская компания оказалась взломана японской негой и эстетизмом.

Седмеричность группы связывает её с *Семёркой* (имина-би) шумерско-аккадской мифологии, тем более что по одному из толкований это семь мудрецов-абгалей. В астральном смысле шумерско-аккадская компания соответствует Плеядам. Можно также вспомнить сюжет «Семеро против Фив» греческой мифологии и «Семь спящих отроков эфесских» христианской легенды.

Ту же функцию принесения благополучия, счастья, удачи выполняет и Фортуна римской мифологии, обычно изображаемая стоящей на шаре или колесе (*Колесо Фортуны* – 10-й аркан Таро) в неустойчивой позе. Отсюда образ – “краткий миг счастья”, “везенье” (когда ухитряются проехать на этом *одном колесе*), “случай” (соединение в любви). Название богини происходит от латинского глагола *ferre*, «носить» что многое объясняет в её характерных ми-

фологических свойствах. Рог изобилия и рулевое весло – обычные атрибуты Фортуны. Подсмысл громогласности, *форте* – её устойчивый признак. Введение культа Фортуны в этом качестве (до той поры она долго почиталась просто как богиня плодородия – в этом случае шар символизировал живот беременности) принадлежит Сервию Туллию, ставшему в результате благосклонности Фортуны из сына рабыни царём. Именно он воздвиг ей несколько святилищ и ввёл ритуалы в её честь. Иногда, как Фемида, Фортуна изображалась с повязкой на глазах и в этом смысле выражала динамический аспект Справедливости.

2/II. Водолей

С первого по третье февраля проводились малые Элевсинские мистерии в Древней Греции, или праздник Возвращения Дочери: Деметры и Персефоны (в Риме: Цереры и Прозерпины). На второе февраля приходился пик мистериала. В отличие от Больших Элевсинских Мистерий, посвящённых Деметре, эта церемония была открытой. В ней могли участвовать все свободные мужчины и женщины, не отягчённые виной и не запятнанные преступлениями.

После похищения девы (Коры) Персефоны Аидом с согласия её отца Зевса, она сделалась невольной супругой похитителя и царицей подземного царства, стала управлять не только душами умерших, но и подземной частью растительной жизни на земле. После того, как Деметра, соскучившись по дочери, устроила на поверхности засуху и неурожай, Аид, повинувшись Зевсу, вынужден был отпустить Персефону к матери, предварительно дав ей вкусить несколько зёрнышек граната, чтобы она непременно вернулась назад. После этого Персефона лишь треть года проводит под землёй (зима), а две трети – на поверхности вместе с цветущими весну-лето растениями.

Выход на поверхность ставшей прекрасной женщиной Девы и праздновался в дни Малых Элевсий. Лунный характер этих мистерий несомненен, а Деметра, ищущая по свету свою дочь, как две капли воды похожа на рыскающую по миру в поисках пропавшего супруга Изиду. Колосющийся всходами Озирис и появляющаяся на земле побегами растений Персефона дополняют и увеличивают сходство.

3/III. Рыбы

Третьего марта Древняя Греция готовилась к наступающему на следующий день празднику цветов – Анфестерии. Праздник этот был посвящён богине цветения растительности – Флоре и Царице Ночи¹ – Гекате. Наступающее через день пятое марта отверзало двери празднику Изиды – Лунная мелодика торжеств усиливалась ещё больше.

Двадцатого марта в Древнем Египте праздновался сбор весеннего урожая; мистериял был также посвящён Изиде. Таким образом, третье марта было *днём* весеннего *месяца*, исполненного цветов и плодов. За три дня до египтян праздник Весны отмечался в Ханаане и других семитских странах и был посвящён местной Изиде – Иштар, Астарте. Обе носили рога полумесяцем и самовластно заведовали всем земным хозяйством.

Геката была и богиней мрака и лунной богиней, *Хтонией* – обитательницей подземелий и *Уранией* – жительницей небес; она богиня колдовства и магии, откровения и мистических тайн. Моцарт в «Волшебной флейте» создал феноменальное по красоте воплощение этих её специфических качеств. Геката – своеобразный ночной аналог Артемиды; она близка и Деметре и Персефоне вместе.

Исида, как морская путеводительница, соответствует зодиакальной идеограмме месяца, хотя связка из двух Рыб напоминает две крайние стадии луны: луну полую (Рыба Сета) и луну полную (Рыба Гора).

Весёлая разнuzданность праздника в честь Флоры вызывает в памяти возлюбленную бога войны Марса, давшего название месяцу, красавицу Венеру.

4/IV. Овен

Четвёртого апреля во Фригии и Древнем Риме отмечался праздник Великой Матери: Мегалесия у фригийцев и Магна Матер у латинян. Торжества были посвящены прибытию богини Кибелы в её римский храм и продолжались семь дней.

Случилось это так.

¹ Это же название в более широком смысле греки давали и Кибеле.

В 204 году до н. э. во время войны Рима с Карфагеном (войсками которого командовал Ганнибал) римляне почувствовали, что близки к поражению. Тогда была снаряжена делегация к дельфийскому оракулу за толкованием одного подходящего по случаю места из книги Сивилл. В нём предсказывалось, что чужеземный завоеватель будет изгнан лишь тогда, когда скульптура Матери (читай: сама Великая Мать) с горы Ида будет перенесена из Пессиния в Рим. Оракул отправил послов к правителю малоазийского города-государства Пергам, на территории которого, по его сведениям, находился чёрный метеорит с душой Кибелы (подобный тому, чему поклоняется весь мусульманский мир в Каабе). Построенный из сосен с горы Ида – священных деревьев богини – корабль перевозил камень от святыни к святыне, пока не достиг Рима. Средство возымело действие – через год Ганнибал навсегда покинул пределы Италии.

Название месяца, скорее всего, происходит от лат. *apricus* – *согреваемый солнцем*², хотя связь с Африкой и Афродитой подразумевается по прямой.

«Четыре четверти пути» указывают на полноту четверичности: четырёх стран света, времён года, стихий, темпераментов и так далее.

Семантическая пара *овен-вено*, *жертвенный барашек* и *платывыкуп за невесту* дополняет картину.

Надо ли уточнять, что с темой Великой Матери мы вновь попадаем в мифо-поэтическую зону Изиды с «изиди!» перемещения святыни с места на место? Кстати, Изида, вся в чёрном по поводу смерти супруга Озириса, и подражающие ей жрицы-меланофоры точно попадают в цвет священного метеорита, усиливая и сгущая *эзотерику цвета* мистериала.

На заре существования мира и богов Гея (Земля) родила нескольких детей от своего старшего сына Урана (Неба). Они были страшны видом, и Уран прятал их в утробе матери, которая тяжело от этого страдала. Тогда Гея изготовила *полумесяц (серп)* и подговорила своего младшего сына Кроноса (Время) оскотить отца, что тот с остервенением и проделал, бросив отсечённые гениталии в

² С русскими обертонами: *преть* и *опрелость*.

океан. От этого в воде образовалась кроваво-красная пена и из неё вышла прекрасная Афродита. С этого времени (!) на земле (!) начинается эпоха Кроноса; божества, произошедшие от него во главе с Зевсом, называются Кронидаи.

Боттичелли, написав два концептуальных полотна «Рождение Венеры» и «Весна», создал своего рода гимн-диптих в честь 4/IV.

Венера/Афродита – божество *полной луны*, оберегающее и поддерживающее жизнь; она яростно и настойчиво защищает всё, что создала. А поскольку Венера – богиня любви и плодородия, то её символами являются коровы, козы, *овцы*, ласточки и пчёлы.

5/IV. Телец

Пятого мая справлялся в Поднебесной праздник Дракона. Дракон в Древнем Китае почитался добрым божеством и существом почти ручным, домашним и незлобивым. По старинному преданию, реальные ихтиозавры были некогда одомашнены китайцами и служили человеку, таская по Янцзы и Хуанхэ тяжёлые баржи, как в России бурлаки. Местное население с ними ловко управлялось и, судя по всему, период симбиотического сотрудничества длился достаточно долго. Недавно в Японском море был выловлен погибший ихтиозавр (фотографии события обошли весь мир), что вносит в легендарность драконофилии большую долю достоверности. Известный синолог И. Лисевич придерживался позиции соответствия версии исторической реальности.

Считалось, что драконы – уже как небесные мифические существа – вызывают дождь, приносят процветание, повелевают всеми водами, исцеляют, прогоняют злых духов. Во время многих китайских церемоний их участники носят большие изображения и модели драконов. По местным поверьям, драконы мудры и обладают глубокими магическими познаниями.

В виде драконов декорировались, а иногда и прямо изготовлялись ладьи для праздничных действий на воде; драконам дарили цветы и венки с пожеланиями для благого их исполнения.

Дети взрослых драконов исполняли роль, аналогичную христианским ангелам-хранителям. Отчасти они уподоблены добрым сказочным животным европейского фольклора, помогающим геро-

ям сказок и легенд. Их летучесть роднит их с греческими грифонами, сэнмурв-паскуджами Древнего Ирана и русским народным коньком-горбунком. В качестве защитников семейного уюта их почитают как своего рода астральных сторожевых собак.

Эти маленькие личные драконята – самые дружелюбные и весёлые из всех сверхъестественных существ. Они обожают импровизированные ритуалы (в пику тяжеловесной китайской традиционности) с песнями, плясками, шутливой пантомимой и световыми эффектами-фейерверками в первую очередь. Они любят пиво, запах сладостей и благовоний, состязание ароматов. Они непременные участники всех человеческих игр, при этом выступают на стороне опекаемого. В некотором смысле азартные игры являются состязанием между собой именно драконов-хранителей.

Китайские мудрецы не промахнулись с выбором национально-мифологического любимца – через созвездие Дракона проходит *небесная ось*, а “драконическое склонение” является устойчивым астрономическим понятием.

Предпасхальные дни 1929 года: 1 мая, *среда*; 2 мая, *четверг*; 3 мая, *пятница*; 4 мая, *суббота* и 5 мая, *воскресенье* описаны Михаилом Булгаковым как время пришествия на землю, более того – прямо в Москву начала грандиозных постнэповских репрессий – Великого Дракона – Экзаменатора, он же – Мудрый Змий с Древа Познания Добра и Зла. Собственно, расплетание мочала событий на два контрастных пучка и составляет сюжет произведения.

В 2002 году события и даты матрично повторяются, соответствуя мистической 111-й годовщине (3 мая) со дня рождения писателя.

Любопытно, что 15 мая по старому стилю – как было зафиксировано в свидетельстве о рождении будущего автора «Мастера и Маргариты» – в Древней Греции праздновался День Майи, *богини полнолуния*. Не потому ли именно *полнолуние* является мистическим лейтмотивом гениального произведения?

Но именно Майя, мать Гермеса, была заглавной для названия пятого месяца европейского календаря, и Булгаков впитал в себя квинтэссенцию *маяты* в полном соответствии с эзотерической семантикой своего «лунатического» сектора года.

Майя – это ещё и главная из Семи Сестёр (Плеяд). Здесь мы вспоминаем о шумерской Семёрке (имина-би) из январского мистериала и понимаем, в кого удался умом бог мудрости античной Греции.

Таково же было название месяца у Римлян и кельтов (с небольшой модификацией), и материнский слог МА был во всех случаях определяющим.

Чернобыльник был священным в Китае и Европе растением. Пятого мая, во время праздника в его честь, китайцы мастерили куклы из листьев этого растения, которые затем развешивали над воротами и дверями своих домов, чтобы отпугивать злых духов. Чернобыльник – растение, обладающее большой магической силой, особенно если его собирать в период летнего солнцестояния или в *полнолуние*. Друиды и представители многих других древних цивилизаций считали его священным и использовали при отправлении ритуалов.

После известной катастрофы в России название растения стало ещё более мистичным.³

6/VI. Близнецы

Шестого июня в Древней Фракии проводился праздник Бендидия в честь Бендиды, лунной богини. В Древней Греции в этот день на перекрёстки выносили угощение для Артемиды – свежую выпечку: пироги и торты.

Месяц был назван по имени Великой Богини – Матери Ююны, аналога греческой Геры. Постепенно Ююний превратился в июнь, и замечателен он в книге года летним солнцестоянием, в семантике которого много от Близнецовой образности. Первый летний месяц хранит в себе орфоэпический и смысловой аромат *юности*, запечатлев лица *юношей* и *юниц* и их любовный союз – *юнию*.

Бендидя – это фракийский вариант Артемиды-охотницы (отождествление их наблюдается с V века до н.э.); культ её, как культы всех мясоедов, был неистов и оргиастичен. Фракийцы, жившие в самом сердце Европы, вообще были народом диким и грубым, ни-

³ Не путать *чернобыльник* – magwort с простой полынью – wormwood!

чем, кроме воинских доблестей, не отличавшимся. Почитание Бендиды-Артемиды было особенно распространено в Аттике, в Пирее. У греков хлебные приношения несколько смягчали чувственную разнузданность охотничьего торжества.

Знаменательно, что βενδῖς, βενδῖδος близко к βένθος – глубь, глубина. Недаром имя фракийской богини встречается в текстах Платона, Ксенофонта, Лукреция – корифеев античной мысли.

Не исключено, что Бендиды и Артемиды демонстрируют наиболее ярко принцип *близнецового* тождества и парадокс взаимной обратимости.

Две шестерни-гексагона уже обладают *передаточным моментом* и способны вращать колёса Вселенной. Пантакль одной из мастей Тарота имеет с одной стороны пентаграмму (72°x5), с другой – гексаграмму-магиндовид (60°x6), то есть антропный и космический знак-концепты. Но именно через *гексагон* человек (пентагон) становится господином Мироздания, т. е. через **сумму инволютивного и эволютивного** треугольников, символов Предвечной Троицы.

7/VII. Рак

Седьмого и восьмого июля весь Древний Рим погружался в один из самых старых женских праздников: Ноны Капротины, в честь Юноны Великой Матери. Именно древность оставляет неясным происхождение и подлинный смысл мистериала. Явно лишь, что он происходил в девятый день до идов, то есть в марте, мае, июле и октябре в *седьмое*, а в прочих месяцах – пятое число. Что касается прозвания, то первая часть слова связана с *козой*, а вторая с *сосудом для вина*, целое же, скорее всего, представляло *рог изобилия*, поставляющий людям море разлитое вина. Во всяком случае, *козья шкура*, в которой Юнона предстала как воительница, и упомянутый *рог* отсылают к образу воспитательницы Зевса *козы* Амалфеи. Примечательно, что в празднике участвовали и рабыни, принося вместе со свободными жертву Юноне под священной смоковницей. Она призывалась при заключении браков, ей приносили благодарственные жертвы после родов. Приближающиеся к святилищу не должны были иметь на себе узлы как затрудняющие роды.

В философских осмыслениях Юнона отождествлялась с землёй или воздухом, лежащим *под* Юпитером-эфиром (диспозиция бесконечного супружеского порождения). Считалось также, что, как каждый мужчина имеет своего *Гения*, каждая женщина обладает своей *Юноной*. Отсюда потенциальная талантливость мужей и вечная молодость их неувядающих – юных – жён.

Двойная седмеричность сближает семантику этой ступени *диагонали Изиды* с Малой и Большой Медведицами и уже упомянутым ансамблем Плеяд. Сумма, четырнадцать – с 14-м Нисана Нового Завета.

Рак (Краб) – *лунное* созвездие; топос, локус и домос Лунной Богини Изиды, зона экологии мудрости и глубины.

8/VIII. Лев

Седьмого и восьмого августа в Египте справлялся праздник разлива Нила, посвящённый богине Хатхор.

Хатхор является “дубликат-заменителем” Изиды; носит такой же ухватаобразный ритуальный головной убор с диском полной луны между рогов. Особенно дубликатны они в качестве божественной Кормилицы фараонов. Представление об Изиде как о *хозяйке дома Гора* привело к появлению отдельной богини, выполняющей эту функцию.

Хатхор, хат(а) хор(ошая), дом Гора является *экологической* развёрткой Изиды (*Иси-да*, фр. *Ici* – здесь, тут). В истории противоборства Гора и Сета Хатхор пыталась развеселить мрачного бога Ра, танцуя перед ним, чтобы он вернулся в зал Священного Суда. Всё это – подменяя Изиду. Но есть один важный отличительный признак. Иногда Хатхор изображается с повязкой на голове, которую почти и не видно, но **узел** на затылке от этой повязки *никогда* не встречается на рисунках Изиды (которая зато часто изображается с “пучком” на том же месте).

Конечно, это *noed divine* Экзюпери в комплект к священным узлам: *анху*, узлу Тета (Сета), связанному куску шнура, изображающего иероглиф вечности Шен и т. д. Важно, что топологически он положен точно над гипофизом, в прошлом – органе “заднего видения”, угасшем при капитальной цефализации Homo Sapiens’a.

Хатхор была любимой дочерью Ра, богиней веселья, любви, радости, танца и музыки. Юная и очень красивая, она была облачена в небесно-голубые одежды.

Однажды люди взбунтовались против бога Солнца и тот, созвав своих подчинённых, поручил наказать ослушников именно богине нежности и любви. Чтобы выполнить несвойственное её характеру поручение, Хатхор превратилась в жестокую *львиноголовую* супругу бога Птаха Сехмет и уже в этом свирепом виде не стала миндальничать. Полетели головы, кровь полилась рекой. В конце концов, Ра остыл и удовлетворился, но Сехмет-Хатхор было уже не остановить. Пришлось прибегнуть к обману. Пока мстительница спала, изготовили заменитель крови из красного минерала «диди» (типа сурика) и пива и разлили смесь по окрестностям.⁴ Утром хищница принялась лакать алые лужи, утоляя ненасытную жажду крови. Великий Ра, спустившись с небес, обратился к замлевшей богине:

– Успокойся, любимая моя дочь. Прими свой прежний облик и ступай отдыхать в Чертоги Богов. Люди никогда не забудут, как жестоко они поплатились за свою дерзость. Отныне жители Та-Кемет будут чтить тебя ещё больше, и каждый год будут устраивать праздник в твою честь.

Этот праздник и отмечается всенародно в августе. Что касается таинственного узла и повязки на голове, то, кроме Хатхор, её носили мужские божества Хепри – утреннее Солнце, и сын Птаха и Сехмет Нефертум, бог растительности, у которого за ленту сбоку был эмблематически заткнут цветок лотоса. Иногда с этим таинственным знаком изображался бог Тот, придумавший контрмеру с

⁴ В изложении Баджа это место выглядит так: «Бог приказал, чтобы к нему позвали посольных, и когда те прибыли, повелел им мчаться в Абу, или город Элефантину подобно ветру и принести огромное множество плодов под названием *татаат*. Что это за плоды неясно, но Бругш помечает, что это плоды мандрагоры, так называемые «яблоки любви», и этот перевод *татаат* может быть принят условно. Эти плоды отдали Сехмет, богине Гелиополя, чтобы она их раздавила и растёрла, и когда это было сделано, их смешали с человеческой кровью и добавили большое количество пива, сваренного женщинами-рабынями из пшеницы». – Бадж У. Легенды о египетских богах. М. – К., 1997; 20.

минералом «диди», Сешет, его жена, умершие, направляющиеся по ту сторону бытия, и плакальщицы, их оплакивающие.

Праздник *Разлива Нила* отмечался на следующий день после праздника Тота (6 августа) и потому смыслово к Хатхор “подходили” со стороны бога Мудрости, как и в мифологеме «Истребление людей». Небесная же мудрость, проявляющаяся в фундаментальном для Египта разливе Нила, не требует пояснений. Но соединение этого торжества с именем Хатхор как бы напоминало людям, что расположенность к ним богов не следует искушать. Ибо можно прогневить даже Солнце. И тогда богиня радости и любви становится безжалостным палачом.

Зодиакальная суть месяца именно в египетском мифе приобретает почти манифестационную выразительность. С таротным конечным укрощением львиной свирепости (11-й аркан).

9/IX. Дева

Девятого сентября (по универсальной европейской хронологической сетке) весь Китай готовился к встрече на следующий день, 10-го, Туань Юань Чи, или Женского праздника воссоединения в честь Чаньэ, великой лунной богини.

Чаньэ (или Хеньэ) была женой И, Великолепного Лучника. Её супруг был славен тем, что сбил своими стрелами десять солнц первобытной эры, когда они взошли все разом с целью сжечь землю. В награду за этот подвиг боги подарили И напиток бессмертия. Вместо того, чтобы выпить зелье, запасливый И спрятал бутылку и надолго отправился в поисках приключений и подвигов в чужие края.

Но разве можно от жены надёжно спрятать бутылку? Устав от одиночества, скуки и строгости регламентации супружеского бытия, Чаньэ порылась и обнаружила заглазничник. А поскольку она догадывалась, что обладает большой силой, которой ей никогда не разрешали пользоваться – сначала родители, а потом муж, то, вытащив бутылку с напитком бессмертия, она, не раздумывая, выпила его.

Когда И вернулся, наконец, из странствий домой, он, решив отпраздновать возвращение, обнаружил, что бутылка пуста, и сразу

же догадался, что произошло. Не желая, чтобы его жена была бессмертной и пользовалась своей силой, он решил убить её, но Чаньэ вовремя скрылась. Она добралась до Луны, где попросила убежища у жившего там Зайца. Но И, обуреваемый жаждой мщения, последовал за Чаньэ. Лунный Заяц вступил в схватку с И и победил его, взяв клятву не преследовать Чаньэ. Однако Чаньэ, не поверив обещаниям мужа, решила остаться на Луне. Теперь она счастлива вдвоём с Зайцем. Непонятно, каким образом смертный И намеревался убить бессмертную Чаньэ, но такова женская логика мифа китайского образца.

Прогрессивная мистика хронологических (календарных) модификаций привела к тому, что седьмой месяц старого римского календаря (*септем, седьмой* – сентябрь) стал *девятым* и тем самым прочно вмонтировался в зодиакальное соответствие месяца. Связь *Девы* и *девятки* – огромная тема в эзотерике, и она будет изъяснена в своём месте. Но любопытен таротологический призыв в сюжете китайского мифа. Ведь И, (и)щущий свою преступную супругу, – это точное описание картинки 9-го аркана. Даже *фонарь* в руке *Отшельника* имеет Китай как гностический домос и придаёт целому соответствующий колорит.

Что касается Чаньэ, то восточное коварство, поданное в апологетическом смысле, поистине удивляет. О каком наступлении *новых*, запервобытных, времён может идти речь в этом, лишённом даже тени этики *совершенномудрых* рассказе? Слово *любовь* неуместно здесь даже в элементарном животном смысле. Налицо тотальная эгоистическая борьба за выживание не просвещённого светом истины *биоса*.

Бедный Заяц! Боюсь, что он пригрел на груди змею⁵.

Впрочем, все лунные объекты холодны, зыбки и неверны, словно сам лунный свет. Востоку недоступно восприятие Луны как ночного ретранслятора лучей Солнца. Девий колорит девятого месяца оборачивается апофеозом женского коварства.

⁵ Китайцы утверждают, что у Матери-Луны есть двадцать восемь *домов* и каждую ночь она проводит в другом доме. При каждом она держит воина-героя-любownika, исполняющего все её желания.

Отметим напоследок, что с 23 сентября по 1 октября в Древней Греции проходил знаменитый *девятидневный* Элевсинский Мистериял в честь Деметры (а также её дочери Персефоны и бога Яакха, вечного дитяти Олимпа). Впрочем, это происходило уже в астральной зоне Весов.

10/X. Весы

Десятое октября было наполнено в Древней Греции последними приготовлениями к грандиозному трёхдневному (11-13 октября) женскому празднику Тесмофория в честь Деметры и Кору.

Восьмёрка старого названия месяца (*октем*) связывает семантику месяца с Восьмым Арканом Тарота *Правосудие*, с двумя женскими божествами в его сердцевине: Фемидой (*правый* суд) и Немезидой (*правое* наказание). Сам ритуал был сатирически запечатлён Аристофаном в его знаменитой комедии («Женщины на празднике Тесмофория») и потому профанирован как мистериял, что, впрочем, характерно для времени упадка религиозной строгости античного культа.

Тесмофория есть прославление Деметры как богини учредительницы земледелия, брака и основывающегося на них гражданского порядка. В Пелопоннесе он существовал уже в глубокой древности и по преданию был занесён туда из Египта (sic!) дочерью Данаей. Таково свидетельство Геродота. Реально же он принадлежал древним пеласгам и был если и не автохтонным, то не пришедшим из-за моря.

Первый день мистерии назывался Стэния по причине обычных в праздники Деметры насмешек; на второй день праздник отмечался в Галимунте на Комийском Мысе – это был Анодос, Путь в гору, Восхождение; следующие три дня составляли главный праздник в самих Афинах. Первый день из-за возвращения с мыса назывался Катодос, нисхождение; второй, строго постный день – Нистейя; третий – Каллигения в честь Деметры Каллигении, то есть Красивых Рождающей.

Праздник был и проводами Персефоны в Подземный мир к супругу Аиду, это было веселье “со слезами на глазах”.

Одним из мотивов Тесмофории было возведение преград на пути нарушителей священных законов и обидчиков женщины.

Жрицы зачитывали список провинившихся перед дверями храмов разных богинь, особенно перед храмами Деметры и Артемиды. Считалось, что проклятый таким образом человек не доживёт до конца года.

Жертвенными животными на празднестве были откормленные к такому случаю поросята, которых относили в ущелье, где находилось подземное святилище Деметры.⁶ Они оставляли там поросят и забирали с собой останки животных, принесённых прошлой осенью. На второй день останки животных выставлялись на алтаре как символ благого приятия богиней приношений. Пост распространялся и на мораль: суды в этот день не работали.⁷ На третий день мистерии останки поросят бросались во вспаханную землю как символ почитаемого особо плодородия Деметры.

11/XI. Скорпион

Одиннадцатого ноября тихо и торжественно приходит праздник Эйнхериар.

Новем – девятый месяц старейшего римского календаря. В традиции кельтов он был началом *нового* года. Как видим, *novus*, новый (*nove* – новым способом) и *novem*, девять сплетаются здесь в семантическое единство, намекая, что на *девятый* месяц *дева* разрешается *новым* существом, становясь матерью.

В *день месяца*, на севере Европы отмечался праздник Павших Воинов. Они гордо шествовали к Вальхалле, раю нордических героев – и мужчин и женщин. Во время торжеств поминаются все воины, а не только павшие в бою; поэтому ритуал следовало бы назвать Мистерия Эроика (*Mysteria Heroica*). Третья (Героическая) симфония Бетховена в наибольшей силе передаёт дух этого действия. Суровые Один и Фрейя, королева валькирий, являются беспристрастными распорядителями ритуала.

Знаменательно, что накануне, в ночь с 9 на 10 ноября, в Шотландии отмечается Ночь Никневин, местной богини, имя которой

⁶ Спуск в ущелье усугублял и углублял смысл названия этой части мистерии – Катодос.

⁷ То есть давался отдых измученным каждодневными требами *весам* Фемиды.

означает *божественная* или *сверкающая*. Образ Никневин является отзвуком античной Дианы-Охотницы. В Шотландии сохранилось предание, что по ночам она со свитой ездит верхом на День Всех Святых (кельтский Самайн). Другие имена Никневин: Дама Абонд, Абундиа, Сатия, Бенсония, Зобиана, Эродиана.

А на другом конце света, в Индии, 10 ноября праздновался Кали Пуджа, посвящённый Кали, разрушительнице зла.

Кали Ма – двойственная богиня (ср. с *Ди-ана*): то мягкая и любящая, то мстительная и несущая лютую смерть. Помимо многочисленных ритуальных эпитетов, она обладает двумя принципиальными именами: Мать Кармы и Хранительница Книг Реинкарнаций. Она правит не только всеми формами смерти, но и всеми формами жизни. Она олицетворяет три части индуистского года, три фазы Луны, три части космоса, три стадии жизни, три типа жриц в местах, где ей поклоняются. Индусы чтят трилистник как символ троекратной божественности Кали. Они утверждают, что тот, кто не смог полюбить *тёмный* лик Кали, никогда не сможет достичь *просветления*.

Кали управляет гунами, или нитями Сотворения, Сохранения и Разрушения, воплощает прошлое, настоящее и будущее. Считается, что она повелевает погодой, заплетая и распуская косы. Её кармическое колесо пожирает время.

12/ХІІ. Стрелец

Двенадцатое декабря в Швеции готовились к празднику св. Луции, который происходил на следующий день, 13-го.

Децем – десятый месяц древнего римского календаря, время беззаботных сатурналий. Франки называли его *Hailagmonat*, или Священный Месяц из-за сплошных праздников, нагнетавшихся особенно к концу года.

Что касается шведских торжеств, то в них поклонение древней языческой богине солнца Луцине было соединено с христианским Днём св. Луции (ит. *Санта Лючия* от лат. *Lux* – свет). На рассвете в каждом доме дочери надевают корону из свечей и пекут пироги и торты круглой формы (из теста, поставленного накануне, 12 декабря). Девушки как невесты надевают белые платья, а мужчины наряжаются в эльфов, которые считаются помощниками Луции.

Римские сатурналии подгадывались к встрече зимнего солнцестояния и длились семь дней: с 17 по 25 декабря и были посвящены древнему богу Сатурну. Его изображали с серпом или початком кукурузы (фаллический символ) в руке. В эти дни вино лилось рекой, пелись песни. Для рабов это было время относительной свободы, когда они могли высказывать хозяину свои пожелания. Именно этот праздник стал родоначальником карнавалов.

Зимнее солнцестояние, время, когда солнце поворачивается от тьмы к свету, праздник, отмечающийся во всём мире. В эти дни Девы-матери рожают своих священных детей: Рианнон – Придейра, Изиды – Гора, Деметры – Персефону. Рождение Гора празднуется около 23 декабря; вскоре после зимнего солнцестояния, когда происходит окончательное погребение Озириса. В это время Изиды и Нефтиды в седьмой – и последний раз – обходят вокруг гробницы Озириса в поисках его рассеянных частей тела, символизируя траур. Сет изгоняется сотрясанием систра сестры и вдовы почившего божества.

Зачатие же Гора происходило таинственно.

После того, как Изиды восстановила тело своего мужа и брата, она отнесла его на болото Буто в дельте Нила. Там она скрывалась от каверз Сета. Великий маг Тот обучил Изиду таинствам магии; с её помощью та фрагментарно оживила Озириса и зачала от него дитя. С этого времени конспирация её усилилась ещё больше.

Когда пришло время родиться Гору, Изиду посетила кобра божества болота Буто. Она помогла матери спрятать от Сета ребёнка и вырастила его среди топей. В младенческом возрасте Гор подвергался многим опасностям. На него нападали дикие звери, жалили скорпионы. Но Тот и великая сила матери хранили его.

Однажды во время отсутствия Изиды, охотившейся на болотах, Сет обнаружил тело Озириса. Он разрезал тело на 14 частей (аркан *Время* Тарота) и разбросал их по всему Египту. Изиды в отчаянии начала поиски, пока не нашла все его части, кроме орудия производства Гора, которое при разбрасывании упало в Нил и было съедено рыбой оксирингом. Изиды вместе с сестрой Нефтидой соединили куски с помощью её племянника Анубиса, советника Гота, и сына Гора, впервые совершив бальзамирование. Озирис вошёл в мир бессмертных и стал царём умерших и Луны. Отсутствие

определённой детали у царя наложило соответствующий отпечаток на всех «людей лунного света».

Итак, от праздника св. Луции до зимнего солнцестояния протянут непрерывный путь восхождения в 13 ступеней (вспомним, что праздник был 13 декабря). Но *тринадцать* – это число королевы валькирий Фрейи, а *пятница* – её день (Friday). Страстной подтекст труда *восхождения (анода)* – подразумевается в седьмом принципе антропной пентоидности (*пят-ница*). *Пять* → *пятерня* → *ладонь* → англ. *Palm* – и вот мы выходим в семантику *пальмы*, ветвь которой является символом счёта времени (как и *пальцы* на ладони) и входит в постоянную атрибутику бога Тота, исчислителя времени.

Диагональ Изиды завершена.

Теперь рассмотрим схему с числовой стороны (Схема 2).

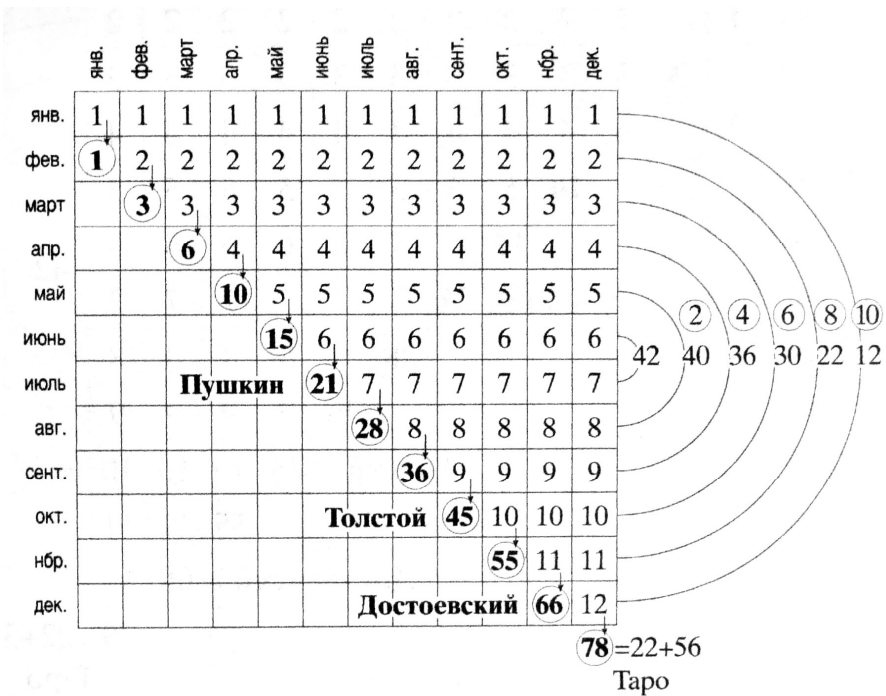

Схема 2

При суммировании чисел, в равномерно убывающих на один элемент рядах (счёт идёт по вертикали), мы получаем числовые характеристики каждой из дат. Для *января* это будет *единица*; для *февраля* – *три*; для *марта* – *шесть*; для *апреля* – *десять*; для *мая* – *пятнадцать*; для *июня* – *двадцать один*; для *июля* – *двадцать восемь*; для *августа* – *тридцать шесть*; для *сентября* – *сорок пять*; для *октября* – *пятьдесят пять*; для *ноября* – *шестьдесят шесть*; для *декабря* – *семьдесят восемь*.

Сразу бросается в глаза наличие чисел двух основных эзотерических ключей: Тарота – 78 (сумма Больших и малых арканов), *декабрь*, и Кабалы 10, *апрель*, со взаимной смысловой рокировкой: *декабрь* – это *десять*, а *апрель* – это фр. *Après* – *после* (*après tout* – *после всего*), что соответствует положению месяца *после* всех остальных.

Замечательно и *горизонтальное число*, которое одинаково для симметричных к горизонтальной середине квадрата: 12 – для *января* и *декабря*; 22 – для *февраля* и *ноября*; 30 – для *марта* и *октября*; 36 – для *апреля* и *сентября*; 40 – для *мая* и *августа*; 42 – для *июня* и *июля*.

Здесь удивляет неожиданно появившееся таротное число 22 (сумма Больших Арканов) и попадание *июльского* (вертикального) числа 36 в горизонтальные *апреля* и *сентября* (=36)⁸. Абсолютная доминация последнего числа заставляет читать его трёхкратность *вглубь* как сумму вертикали, горизонтали и диагонали **додеквадрата**. Тогда *диагональ Изиды* становится священным браком *горизонтального* и *вертикального* движения, причём компромисс не уменьшает мощности движения в обоих направлениях.

Вот почему посвятельная лестница никогда не бывает «верёвочной лестницей на небеса», но египетскими *ступенями восхождения* (принцип Имхотепа). **Посвящение** – это и **просвещение**, то есть увеличение света в неофите одновременно. Стадии появления солнца из-за горизонта с увеличением света на земле и фиксирует гениальная ступенчатая пирамида Джосера, созданная Имхотепом.

⁸ 36 было наивысшей клятвой пифагорейцев. Это сумма кубов трёх первых натуральных чисел – символ-модель мира и инкубационной полноты.

Шесть гностических ступеней ведут к верхней площадке: 6+6 в одном направлении движения и 6+6 в другом; плюс 6+6 с любого из углов в движении *по ребру*. Это женственное *ребро* Адама и приводит нас к образу Изиды с его лунным *серебром* мудрости. Усечённая вершина – квадрат, делящийся на четыре меньших – минимальная шахматная доска с двумя первыми числами июня и первым числом июля: $6+6+7=19$, Девятнадцатый аркан Таро *Солнце*, стадии восхода которого символически изображает пирамида.⁹

6	6
	7

Горизонтальные числа апреля и сентября в сумме дают 72 – число *имён Бога* иудейской гностической египтософии. Вспомним, что Яхве это египетский Ях, Аах – *Месяц, Луна*. В Среднем царстве это было фиванское лунное божество; в начале Нового царства Ях отождествлялся с Хонсу. В дальнейшем культ Яха как бога Луны постепенно был вытеснен культом Тота. Евреи, профессиональные строители пирамид, в период упадка их возведения отождествляли старые добрые времена – на фоне наступившей безработицы – с поклонением *прежнему* богу, категорически не принимающей изменений. Рогатый Ях, которому – согласно симпатической магии – пастухи-евреи приносили рогатые же жертвы, и был тем особливим божеством, о свободе поклонения которому хлопотал Моисей перед фараоном.

Никакого своего отдельного, оригинального бога евреи, профаны в теологии, выдумать не могли, да и не пытались. Тем более что и возглавлял цех строителей египтян Мосе (егип. *дитя*) – Моше-Моисей. Да египтяне – несмотря на свою толерантность – и не потерпели бы ничего подобного у себя под носом. Другое дело, поклонение одному из местнотимых. «Союз нерушимый всех номов Египта» покоился, в том числе и на уважении к многоцветию святынь. Но кровавые столкновения между египтянами и евреями на Элефантине по поводу жертвенного баранозаклания последних на глазах у доминирующих на острове хнумопоклонников проясняют картину.

⁹ Подробное изложение этой темы читатель найдёт в готовящейся к печати книге автора «Каменное Евангелие Имхотепа».

Кстати, в Поздний период Ях был отождествлён с Озирисом и получил название Озирис-Ях. Отсюда патетика воскресения перешла в мифологию Нового Завета с абсолютно египетским посевом под пасху овса, в зелень которого кладут крашенные варёные яйца как маленькие символические саркофаги.

36° и 72° – углы, образующие рисунок правильной пентаграммы, и прокламированная теоцентричность библии является скрытой её антропоцентричностью. Разговор в ней, в сущности, ведётся только о судьбах еврейского племени, а всё остальное является обрамляющим пышнословием. Известные поэтические красоты иудейской велеречивости не скрывают от нас мелочные склоки и нешуточные распри поклоняющихся и объекта поклонения. *Семьдесят два* имени Божьих были в этом случае только струнами на арфе претензий и недовольств.

Естественным образом возникает вопрос о тех “счастливицах”, кому повезло родиться в *день месяца*, и желание выяснить, как диагональ Изиды отразилась на их судьбах.

Беглый обзор даёт следующие фамилии знаменитостей:

1/I. Балакирев Милий, композитор (1837).

Пьер де Кубертен, основатель современных Олимпийских игр (1863).

2/II. Крылов И.А., поэт (1769).

3/III. Георг Кантор, математик (1845).

4/IV. Майн Рид, писатель (1818).

5/V. Карл Маркс, экономист (1818).

Набоков В.В., писатель (1899).

6/VI. Диего Веласкес, художник (1599).

Томас Манн, писатель (1875).

7/VII. Николай I (Романов), император России (1796).

Лион Фейхтвангер, писатель (1884).

Марк Шагал, художник (1887).

Маяковский В., поэт (1893).

8/VIII. Знаменитостей не найдено. 6/VIII родился Поль Клодель, писатель и поэт (1868).

9/IX. Трубецкой С.П., декабрист (1790).

10/Х. Джузеппе Верди, композитор (1813).

11/ХІ. Виктор Эммануил III, (последний) король Италии (1869).

Крашенинников С.П., путешественник, исследователь Камчатки (1711).

12/ХІІ. Карамзин Н.М., писатель, историк (1766).

Гюстав Флобер, писатель (1821).

Брюллов Карл, художник (1799).

Александр I (Романов) (1777).

Но подлинное потрясение вызывает тот факт, что три величайших русских писателя: **Пушкин, Достоевский и Толстой** родились в дни *месяца*, и входят этими датами в диагональ Изиды.

Пушкин: 6/VI.

Число месяца – 21; Двадцать первый аркан Тарота – *Шут, Дурак, (Юродивый)*. И то и другое – ярчайшие автохарактеристики болдинского анахорета.

Побрыкавшись на ту тему, что, мол, «шутком не желаю быть даже у Царя Небесного», под грозные раскаты событий лета 1826 года в ожидании перемен (ареста?) Пушкин сочиняет и криптографирует стихотворение «Пророк России», строка из которого «И я бы мог как шут...» осталась в записи. Так что «умнейший муж России» был Дураком, он же – юродивый из «Бориса Годунова»: «...никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

«**Бояре.** Поди прочь, дурак! схватите дурака!»

Болдинский сиделец, ненавидевший попов, втиснул всю силу своего сопротивления в «Сказку о попе и о работнике его Балде», где казнь попа щёлканием в лоб – первое за пятнадцать столетий наказание дорвавшихся до власти прежних “священномучеников”. Вечная оппозиция художника *предержащей* нашла – в лице творца «Онегина» – огненного глашатая. «Глаголом жги!» включало в себя всю мощь сатиры и карнавальное забегание за линию прямых запретов и всяческих подразумеваемых табу приличий бунташным языком непристойностей. Пушкин и “французом”-то был прозван за своё принципиальное вольтерьянство, а юношеский атеизм

был прежде всего выходом на горá энергий антиклерикализма. Церковь уже тогда сделалась рассадником *non*-культуры (в обоих смыслах слова) и культурный и духовный аристократизм часто маскировал себя в раблезианскую разнузданность.

«Мул без узды» – так назывался один из шедевров средневековой идеологической мениппеи. Возрожденцы подхватили игру. «Похвала глупости», «Корабль дураков», «Симплициссимус» – таковы вызывающие названия сочинений этого времени. Просветители XVIII века (в том числе и *иллюминаты*) продолжили опасную «Хохмагонию» непосредственных предшественников. Включился в неё и масон Пушкин.

Любопытно, что пора Близнецов (21 мая – 21 июня) делится на две равные части именно в зоне 6 июня; первая половина в китайской традиции называется «Формирование зёрен» (20 мая – 6 июня), вторая – «Накопление соков» (6 июня – 21 июня).

Юное дарование, заблеставшее на небосклоне российской словесности уже в 15 лет, вполне соответствует этим названиям.

Но главное – полное соответствие (двойная шестёрка) семанте картинки Шестого аркана *Возлюбленный*. Адам, выбирающий между *любовью земной* и *любовью небесной*, отдающий предпочтение первой и обрекающий душу навеки страдать о второй – это вечный портрет Солнца русской поэзии. Сделав выбор в момент женитьбы в пользу абсолютно земной Натали и навсегда потеряв любившую и понимавшую его (в отличие от холодной Гончаровой) Екатерину Ушакову, Пушкин подтвердил сходство.

Младшая сестра, Елизавета, писала брату: «По приезде яшла в Екатерине большую перемену; она ни о чём другом не говорит, как только о Пушкине и о его прославленных произведениях. Она знает их наизусть. Прямо совсем одурела; не знаю, откуда эта перемена». Современница вспоминала: «...наш поэт, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие своё у ног её, то есть, сказать просто, влюблён в неё. Это общая молва, а глас народа – глас Божий. Ещё не выдавши их, я слышала, что Пушкин во всё пребывание своё в Москве только и занимался, что [Екатериной]: на балах, на гуляньях он говорил

только с нею, а когда случилось, что в собрании [Екатерины] нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!...»

Продолжая переживать недавнюю гибель пятерых друзей декабристов, и размышляя о своей участи в связи с историей 14 декабря, он написал в альбом любимой:

*В отдалении от вас
С вами буду неразлучен
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнёте ль обо мне,
Если буду я повешен?*

На первых страницах русского перевода романа Вальтера Скотта «Айвенго» Пушкин изобразил виселицу с пятью телами и весы. Так что странное слово в конце стихотворения отнюдь не гипербола, рассчитанная на дамскую чувствительность только. Шут Вамба прочитанного романа обсуждает возможность самому пострадать аналогичным образом. Шутов же, чтобы не равнять с господами, вешали вверх ногами. Пушкин непосредственно в заговоре участия не принимал, но стихи его свободолюбивого содержания найдены были почти у всех заговорщиков. Сообщавший ему в письме эти сведения Жуковский давал понять, что дело серьёзно. Тем более, что возникли дополнительная заварушка с неожиданно обнаруженной властями «Гаврилядой» и разбирательство о стихах об Андре Шенье.

Так что возможность наглядно представить собой иллюстрацию к Двенадцатому аркану у крамольного поэта несомненно была. *Висельная* тема преследовала Пушкина ещё долгие годы, прорезаясь, то здесь, то там в рисунках и стихах.

Между прочим, «всех моих ушей» намекает на трёхлучевую звёздчатую шапку Люцифера, в которой тот изображался на всех мифологически основательных изображениях. Сначала такая

«шапка Люцифера» сделалась постоянным атрибутом шутов-джокеров, а потом (а может, и перед этим) стала известным русским *треухом*. Вот откуда лукавое пушкинское «всех».

В сущности, двенадцать ступеней посвятительной лестницы – это арканы Тарота с *первого по двенадцатый* с переворотом в мистерии Нового года – обращением сна в *юнца*.

Пушкинский бытовой переворот в полную бескрылость заставил его через несколько лет вспомнить самим же раблезиански произнесённое накануне женитьбы: «Законная [она] – род тёплой *шапки с ушами*. Голова вся в неё уходит. <...> Брак холостит душу».

Так что и тут он поступил как *Дурак*. Как *Сумасшедший*.

Поздно было потом причитать: «Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, легче *посох и сума...*». И уже совсем в точном соответствии арканной картинке: «И я глядел бы, счастья полн, В *пустые* небеса...». И через несколько месяцев: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...». И, наконец, капитальный «Странник» на ту же тему.

А новогодний мистериал обернулся для Пушкина превращением в камер-юнкера.

Но у *Возлюбленного* есть одно великое преимущество – преимущество выбора. В *шесть* лет у человека отнимается животное родовое бессмертие и вкладывается бессмертная искра Божья, после чего до индивидуума доходит, что он *смертен*. После этого он или принимает созданные Богом *такие* “условия игры”, или начинает им активно сопротивляться. Для этого человек употребляет притупляющие боль наркотические вещества или прибегает к нирваническому самовнушению, выполняющему те же функции. Дальнейшие шесть ступеней – путь к идеологии жертвы, посвятельному (само)испытанию, выяснению до конца *кто есть я*. Двенадцать лет – возраст конфирмации, достижения самостоятельности, необходимой для принятия в ансамбль духовной общины. Знаменитая сцена в храме, происшедшая с двенадцатилетним мальчиком-Христом, это ярко являет.

Образ Ивана-дурака из «Конька Горбунка», не только воспринятый Пушкиным из сибирского фольклора (от “информатора” Ершова), но потом воссозданный им в тексте монументальной стихотворной сказки, является образцовым для орденской поэтики нашего барда. “Поэт Ершов” такая же фикция в пространстве духовной культуры, как и “драматург Шекспир”.

Мистическое соответствие *шестерной* доминанте в жизни Пушкина подтверждено трагическим финалом его жизни. Дело в том, что смертельная рана, полученная поэтом во время дуэли, приходится на топос чакры Свадхистаны – «лотоса с *шестью* лепестками», – заведующей зоной половых органов. Именно это место было «ахиллесовой пятой» Александра *Великого*, и туда-то он и заглотал «уголь, пылающий огнём». Три дня чудовищных мук, вытравливание из себя *нигрето* нацменскости со звериными страстями и свирепостью, полностью обелили, довели до абсолютной *альбедности* “збристую” структуру его характера. Недаром *шестёрку* в Древней Греции считали «психогоническим числом», при возведении в третью степень дающим промежуток в 216 лет ($6 \times 6 \times 6 = !$) между двумя перевоплощениями человеческой души. Жуковский в известном письме Сергею Львовичу Пушкину по поводу смерти сына отмечал необыкновенную благостность и светлоту лица своего любимого ученика после того, как душа оставила тело. (В масонском кругу разговор носил отнюдь не сентиментальный характер). Посвятительное восхождение барда по лестнице книжных полок в горнее произошло *налегке*. Белые “полосы”: «Я помню чудное мгновенье...» были оставлены, чёрные: «Ты... пишешь мне о мадам Керн, которую с помощью Божией я на днях уе...»¹⁰ – вытравлены. Причём это не совсем метафора. Вот факт:

«[В разгар Великой Отечественной войны на Кавказе близ вершины Эльбрус] поднимался отряд сапёров – немцы оставили там адские сюрпризы. Сапёр Алексей Бойко шёл первым..., остальная группа чуть отстала. Внезапно на его голове, стволе закинутого на спину автомата, и штанге миноискателя появилось шипящее синее свечение. «Бросай автомат, сейчас молния ударит!» –

¹⁰ Из письма Сергею Соболевскому.

крикнул проводник, отшвыривая в сторону ледоруб. Алексей замешкался – оружием не бросаются, а на столь крутом склоне автомат просто скатится вниз, в пропасть. В это время последовала ослепительная вспышка, и Алексей почувствовал, как его тело пронзают тысячи иголок. Позднее проводник сказал сапёру, что тот несколько секунд был окружён синим ярко светящимся коконом. Затем свет исчез, и они осторожно двинулись дальше. И только у себя на базе, моясь в бане, Алексей обнаружил невероятное следствие этой вспышки: *с кожи полностью исчезла его гордость – табуировка бывалого моряка – и перенеслась на внутреннюю поверхность матросской тельняшки*.¹¹

Итак, *белая лошадь*, бывшая ужасом и наваждением всей жизни, расщепилась на блондина с лошадиным лицом, который таки сделал своё чёрное дело; и на английскую – White Horse, бывшую зебру, весело побежавшую навстречу новому бытию. Полосы же перешли на обивку дивана.

Ведь *шесть* – это ещё и *шест*, которым Дурак промеривает глубину встретившегося на пути водоёма. *Гексаграмма* – звезда Соломона, «почтенного Соломона» «Скупого рыцаря», состоящая из светлого нисходящего правильного треугольника и тёмного восходящего, где треугольник вершиной вверх – *огонь*, а треугольник вершиной вниз – *вода*.¹²

Буква иврита *вау* (ו) – это и *шест* в руках путника, и крик боли смертельно раненного человека. Тельцовая зодиакальность Шестого аркана подтверждается *бычьим* упрямством, с которым Пушкин держался своих прихотей, бывших причиной многочисленных попреков друзей-масонов старшего поколения.

Выбирая в посюстороннем, *яви*, *Возлюбленный* постоянно ошибается – “запас прочности” *баловня* расслабляет. Но зато в потустороннем он всегда держит сторону *прави* против *нави*. Без вся-

¹¹ Из заметки В. Псаломщикова «Проделки высокогорного электричества», НЛО №22 от 27/V 2002 г.

¹² Свадхистана – это *ярко-красный* Лотос. Находится у корней гениталий внутренней Сушумны. Внутри Лотоса расположена *водная* область Варуна (божество *воды*). То есть символы двух стихий заложены и в индуистской идеографии.

кой *навигации* он выскакивает к свету прямым путём. Но случается это, только когда *пора*, когда «*покоя сердце просит*».

Юнона всегда оставляет любимцев июня юными. Что такое пушкинские *тридцать семь* лет рядом с современным возрастным дебилизмом? Между тем, за десять лет до того, возвращённый новым царём из ссылки поэт был вызван для беседы во дворец и после неё был объявлен Николаем «умнейшим мужем России». И не мудрено: небесная патронесса Пушкина пользовалась большим авторитетом «как подательница разумных советов. К ней обращались в трудные минуты не только простые люди, но и государственные деятели».¹³

Недоброежелатели даже пустили слух о коллаборационизме прежнего свободолюбца с «царём-вешателем».

Любопытно, что возрастная цифирь Пушкинской биографии мистична насквозь: 37 лет жизни – это *тройка* и *семёрка* карточной шизофрении «Пиковой дамы», а последняя карта, *бубновый туз* – мишень насильственной смерти. Бубны обычных карт – это *динарии* младших арканов Тарота, *деньги*, *цикли*. Но вспомним, что «на Капитолийском холме был воздвигнут храм Юноны *Монеты* (*убеждающей*). Там же находился и монетный двор римского государства, которому она, по преданию, оказывала покровительство. От прозвища Юноны пошло и общее название денег – *монета*».

Надо ли напоминать, что Пушкин был первым (великим) русским писателем-профессионалом, т. е. живущим почти целиком за счёт своего литературного труда. «Не продаётся вдохновенье, *но можно рукопись продать*». И продавал, обменивая на «звонкую монету» издателей, чтобы расплатиться с *карточными* долгами.

И здесь мы снова упираемся в тематизм Диагонали Изиды. Ведь 21 (тройка, семёрка, туз) – это *число июня*, а картишки – грех “июности” вроде онанизма. Пушкин за карточным столом пытался забыть от преследующего его постоянного ужаса нагаданной скорой кончины.

Так и остался он навсегда мальчиком, Десятым веком, читающим перед стариком Державиным, веком Восемнадцатым:

¹³ Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М, 1988; 497.

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный!...». *Возлюбленный*, развернувший шесть лепестков космической гексаграммы; *Шестикрылый* – во веки веков!¹⁴

Так мы пришли к тайнам омота парадоксальности, которые лучше всего выразил сам Пушкин.

CONTRA

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света¹⁵
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может *всех ничтожней он*.

PRO

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся *орёл*.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

Это страшное «всех ничтожней» говорит о многом. Кажется, что Пушкинская шестёрка начинает лакейски *шестерить*, что он становится простой *шестерёнкой* в огромном и мощном социальном механизме...

Но нет: “в душе настало пробужденье”, ибо Аполлон, наконец, востребовал поэта к священной жертве – и из бездны *de profundis*’а поэт воспаряет к горным вершинам духовности, вытаскивая себя из мещанского болота за волосы, как барон Мюнхгаузен.

А это было нелегко.

Как писал Л. Н. Павлищев, поэт «придавал значение феральным (несчастливым) дням». Сведения эти Пушкин черпал из старинных мистических трактатов, которыми очень интересовался. Племянник вспоминает, как дядюшка надиктовал его матери (а сестра Ольга тоже увлекалась оккультизмом) следующий фрагмент: «В оные дни не токмо не довлеет пути держать, но ничего важного задумывать, предпринимать, совершать. Человек, родившийся в один из таких дней, не богат и не долголетен. А кто в один из таких

¹⁴ Взаимодействию *посвяtitеля* – серафима-Пушкина и *посвящаемого* – пророка-Достоевского уделено большое место в нашей статье «Пророк».

¹⁵ Редакция моя. – ОК.

дней занеможет или переедет со двора во двор, или на службу вступит – ни в чём оном не найдёт себе счастья». Далее перечислялись эти злосчастные дни: «в февруарии три: 11, 17, **18** <...>, в мае три: 1, 6, **26**».

На основе этих выкладок Пушкин в числе несчастных дней, *jours nefates*,¹⁶ почитал таковым и день своего рождения 26 мая по старому стилю, и при всякой невзгоде говорил: «Что же делать? Так уж мне на роду написано: в несчастный день родился!»

Даже в другой системе отсчёта шестёрка неизменно торчала в числе, и деваться от неё было некуда.

«26» вообще занимало большое место в жизни Пушкина.

Во-первых, это дважды чёртова дюжина.

По свидетельству всё того же племянника, Пушкин верил в разные приметы и суеверия: «Почешется у него правый глаз – ожидает он в течение суток неприятностей. Если же, находясь в пути, увидит месяц от себя не с правой, а с левой стороны, – призадумается и непременно прочтёт про себя «Отче наш», да и три раза истово перекрестится».

Вот как это выражено в известном стихотворении 1829 года.

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюблённой грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаёмся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

¹⁶ От латинского *non fas* – не делай, или *non fatum* – не судьба.

Здесь Пушкин пытается укротить и гармонизировать тёмную стихию рока, согласовав её с поэтическими настроениями. Но шутовская беззаботность стихика скрывала, как выясняется, далеко не шуточные страсти и страхи.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливой бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:
Может быть, ещё спасенный
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз. <...>

Не любил он, подчёркивает Павлищев, «подавать и принимать от знакомых руки (в особенности левую) через порог, не выносил числа *тринадцати* человек за столом...»

Однако Тринадцатый аркан преследовал его по пятам.

Перед свадьбой Пушкин шутовски признавался княжне Вяземской, что Натали – его сто *тринадцатая* любовь.

Венчание произошло 18 февраля (! см. выше) 1831 года, когда невесте было 18 лет, а жениху 31 год (!). Сумма цифр года женитьбы – 13 (1+8+3+1), эту же цифру даёт и зеркальное отражение возраста Пушкина: 31 → 13 (!), разница в годах между женихом и невестой также равняется (!) 13.

Во время венчания внезапно упали с аналоя крест и Евангелие. «Когда молодые шли кругом, – вспоминала подружка невесты кня-

гиня Е. А. Долгорукова, – Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него погасла свеча. «Tous les mouves augres» – сказал Пушкин». ¹⁷

26 августа – Натальин день. 2х6=12, аркан *Повешенный* – точное описание состояния Пушкина после женитьбы, бесконечные финансовые проблемы из-за неумеренных трат жены и собственных карточных проигрышей.

Но 26 это и 13х2, двойная угроза смерти, что и произошло в 1826 году во время следствия и суда над декабристами. Пушкин ожидал ареста и вообще был готов к худшему. 13 июля состоялась казнь пяти друзей, возглавлявших восстание, произведшая на поэта страшное впечатление. ¹⁸ Он откликается на событие несколькими стихотворениями, одно из которых, написанное к годовщине казни, – «Акафист» Е. Н. Карамзиной – пометил числом 31 июля 1827 года, зашифровав зеркально отражённую дату гибели друзей. С этих пор и 31 начинает преследовать творца «Онегина». Так, например, шутовской чин камер-юнкера ему был пожалован в качестве новогоднего подарка 31 декабря 1833 года. 7 января 1834 года Пушкин записал в дневник свой разговор с в.к. Михаилом Павловичем, которому в ответ на поздравление с назначением он съязвил: «Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

Ближе к концу жизни *двойное тринадцать* всё настойчивее стучится в Пушкинскую судьбу.

26 января 1836 года поэт впервые упоминает в дневнике имя своего будущего убийцы: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».

26 января 1837 года Пушкин посылает вызывающее письмо барону Геккерну, реально – вызов его приёмному сыну Дантесу-Геккерну.

Мрачные предчувствия не оставляют поэта всё последнее время. В стихотворении 1831 года, посвящённом годовщине лица, Пушкин пишет, поминая почивших:

¹⁷ Всё дурные приметы! (*фр.*)

¹⁸ Подробнее – в статье «Пророк» этого сборника.

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

И мнится, очередь за мной,
Зовёт меня мой Дельвиг милый...

В письме жене, отправленном из Москвы в мае 1836 года, поэт обронил: «...это моё *последнее* письмо, более не получишь».

Оба предсказания оказались пророческими.

Кстати, в этом письме есть строки: «Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26. Это не дело». Несчастливый день рождения в последний раз просигналил своими двумя *чёртовыми* дюжинами. Определение важно потому, что *число мая* согласно Диагонали Изиды – 15, а Пятнадцатый аркан – *Сатанаил*.

Знаменательно, что «горизонтальное число» мая 40 является числовым значением Тринадцатого аркана *Смерть*. Недаром ещё в 1815 году юный лицеист проникновенно писал:

Мне слава издали грозит
Перстом окровавленным...

Пушкин – *Юродивый*, Пушкин – *Дурак*, *Шут* («Поэт брат дервишу» – слова паши из «Путешествия в Арзрум»). Так понимал он себя сам, так понимали его и другие. Пушкину, по словам Николая I, «учитывая его талант, следует предоставить ту неограниченную свободу слова, какая предоставляется, в порядке исключения, одному из поэтов или одному из **шутов**, но никому другому».¹⁹

В письме к П. А. Вяземскому 1825 г. автор «Бориса» подтверждает: «В самом деле, не пойти ль мне в юродивые, авось буду блаженнее!»

По молодости и легкомыслию зайдя с приятелем к гадалке Кирхгоф (1817-18 г.), Пушкин получил предсказания на двадцать лет вперёд, причём они стали сбываться немедленно. Пушкина ждало: скорое получение денег, две ссылки, женитьба (по Гоголю), известность, а также опасность на 37-м году жизни от белокурого человека, белой лошади и белой головы. Каково же было поэту выдерживать приближение к его дому Дантеса, который соответствовал трём последним определениям? Воистину столкнулись алхимические *альbedo* и *нигredo*, пока не плюнуло из пистолетов фи-

¹⁹ Цит. по Пушкин: Иссл. и мат. Л., 1979 (IX); 250.

нальной *рубедностью*. Чернозём из столкновения с бледной поганкой вышел победителем. Правда, вышел через врата смерти.

Но это всё о том, кто «всех ничтожней».

А что же востребованный Аполлоном?..

И здесь мы вспоминаем, что пушкинское **26** – это ещё и число имени Божьего!

Действительно, в Тетраграмматоне $\pi\eta\eta$ первая буква η йод имеет числовое значение 10, η – 5, η – 6; в сумме: $10+5+6+5=26$. Так что шестёрка в 26-ти – всё тот же Шестой Аркан!

Мало того, под углом около **26°** выстроены мистериальные ходы в Большой пирамиде: ведущий в подземную камеру и ведущий в посвятительную, справедливо идентифицируемый исследователями как **угол подъёма Человеческой эволюции!**

И тогда возникает новое видение: по пустыне влачится молодой Достоевский, *сын* и *ученик*, и ему является *шестокрыл* Учитель, *сераф*²⁰ *АСИид*. И всё становится на свои места.

Вспоминается, что *шестая* сефира Кабалистического древа – Тиферет, Красота, астральное соответствие которого – Солнце, символическое – Солнце Правды Христос. Да и Шестой аркан Тарота *Возлюбленный* посвящён Ему же.

В симметрической паре **6** и **9**, соответствующей китайским *инь* и *ян*, *шесть* – женская половина идеограммы *тай дзи*, *девять* – мужская. Но в русском языке роли меняются: *шесть* – *шест* – мужская семантика; *девять* – *дева* – женская. Остаётся парадоксальной тема «женственности» всех чётных цифр и «мужественности» нечётных. Впрочем, давно известна женственность аватаров, достаточно вспомнить Будду, Кришну, Эхнатона. От них не отстают и учителя: Рамакришна, Вивекананда, Йогананда.

Пушкинская женственность особенно наглядна при сопоставлении его с сестрицей Ольгой Сергеевной, которая отличалась от брата только отсутствием бакенбардов. Легковёрность, суеверность, доверчивость – совершенно *женские* свойства “бакенбардиста”, что и сказалось, например, в отношениях с «демоном» Александром Раевским. Подлинно мужественные характеры всегда

²⁰ *Серафим* происходит от *серпент*, *змея*.

спартанцы, схимники, анахореты. У них не бывает женщин-подруг. А отношения Пушкина со Смирновой-Россет были именно такого рода.

Отсюда же и страсть к публичности, в которой упрекали поэта друзья, особенно в 27-29-х годах. Быть в центре внимания, на виду было его страстью; и он ревновал и переживал, если его кто-то затмевал в этом отношении. Например, Мицкевич.

«А сама-то величава Выступает, словно пава». Дурак не идёт, он – *шествует*. Вот почему у него в руках, кроме *посоха* (идти посуху), ещё и *шест* (**промерять глубину** при переходе вброд). Он и в воду лезет, только чтоб измерить её глубину. И если глубина более меры *шеста* (а он способен вытягиваться как подзорная труба или складное удилице), то это – омут, и – сто процентов – там черти водятся.

Вообще вольготно *водиться* можно только в *воде*.

Вот почему Дурак изображён на краю у воды.

Ссылка на Юг оказалась для Пушкина *свиданием с морем* (*mare aeternum*). И голосом Лермонтова: «Прощай, свободная стихия!» сменило: «Прощай, немывтая Россия!» – Воистину *дурацкий* обмен.

Но он состоялся.

Шест упёрся в мелководье столиц, все омуты остались в глубинке.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля –

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег.²¹

«Юность не имеет нужды в *at home*, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу – тогда удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть».²²

²¹ Курсив мой. – ОК. Здесь – иллюстрация к «стране рабов».

Из всего перечисленного реализованной оказалась одна *смерть*. Ну, может быть, ещё *etc.*

Подругу не нашёл. Нашёл что-то другое. И для другого.

Настоящий *покой* и *home* ожидает нас только на небесах. – Баньен был прав.

Недаром хвостик шестёрки указывает вверх.

О **Льве Толстом** и **9ЛХ** можно сказать не много.

Категорический средовек (число месяца – 45) яснополянский граф всю жизнь страдал *отшельническим* синдромом, но смог осуществить побег лишь на 83-м году жизни. Будучи намертво прикреплён к семанте *Девятого* аркана, но – в силу *девичьей* структуры *девятки* – истерзав себя колебаниями (и кобеляниями – тоже, кстати, не мужественная черта), он был раздавлен знаменитым «арзамасским ужасом», проще говоря *страхом смерти*.²³ Струсив и сломавшись, Лев (! – оксюморонная ситуация), как лиса, постоянно пытается ретироваться, ускользнуть от проблемы, запутать следы. Написанный до того роман «Война и мир» ещё дышит эпическим *спокойствием*.²⁴ Скрепившись, в 1873 году (в 45 лет) Толстой начинает «Анну Каренину» с автопортретной парсуной Левиным в *как бы глубине*. В это же время Достоевский пишет своего «Подростка», где переросток князь Серёжа мечтает, убегая от проблем, заняться простым земледелием в деревенском уединении. Гротесковая гиперболизация толстовской меланхолической малохольности доведена Достоевским до крайности, хотя сам роман является ответом автора «Идиота» на «Детство. Отрочество. Юность» яснополянского вельможи.

Органическая *паллиативность* Толстого делает его образцовым носителем идеи Девятого аркана Таро, – томимому духовной жаждой толстовского образца в пустыне так и не встретился Шестикрылый. А всё потому, что ещё более томила его реализация собственных авторских – художественных и учительских – амбиций. Появись серафим, и Толстой непременно полез бы поправлять

²² Курсив Пушкина.

²³ Событие произошло в грязной гостинице в Арзамасе в 1869 году и с тех пор постоянно посещало малодушного графа (с нарастанием к 45 годам).

²⁴ Отбросив излишнюю скромность, автор сам в конце жизни сравнивал его с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера.

его в каждом из осуществляемых действий. Ревнивая зависть к пушкинской масштабности привела к оскорбительному отказу от участия в Пушкинских торжествах 1880 года при открытии памятника и праздновании столетия поэта в 1899 году. Девятка оказалась оппозиторна шестёрке *Возлюбленного*.

Герой торжеств 80-го года Достоевский пророчески создал портрет «тщеславного праведника» Макара Долгорукого, заглядывая в обстановку года 1899, когда Толстой, разменяв седьмой десяток, оказался в возрасте персонажа «Подростка».

Остаточная сентябрьская *седмичность* вообще занимает большое место в символике и семантике биографии Толстого. От последней декады июля – *седьмого* месяца нынешнего календаря идёт его *львиность*; от картинки *Седьмого* аркана – стремление к торжеству триумфатора, любовь к *колёсам* (велосипед) и даже *смерть на колёсах* (железная дорога).

Много в нём было *медвежьего* (*семь* звёзд Большой *Медведицы*, она же *Колесница*) – неуклюжего, неловкого, варварского. Особенно ярко это выразилось в погромной “критике” Вагнера и Шекспира. Перед нами не просто непонимание, но ярость Калибана на своё отражение в зеркале и неславление стереоскопии нордической мифологии и принципа мистериальности. *Семь* я обстали его в понятии «семья», реальность которой висела гирями на ногах потенциального *Отшельника*.

11/XI. Фёдор Михайлович Достоевский.

Знак ноября – *Скорпион* или *Орёл*. Стихия – *вода*. Одни эти данные фундаментальны для описания структуры творческой личности русского Пророка. Уносящий в горнее, как *Орёл*, и жалящий издевательской сатирой, как *Скорпион*, но всегда гуманный, человеколюбивый, антропоцентричный, ибо символ стихии *воды* – *Человек* (или *Ангел* – *Крылатый Человек*), таков Достоевский.

Одиннадцатая сефира Кабалистического древа – *Даат*, *Знание*. Она образована объединением *Хокмы*, *Мудрости*, и *Бины*, *Понимания*, и возникла *над* пересечением молнии Гибероля, фиксирующей сефиры, с Колонной Равновесия. *Даат* является своего рода проекцией *Кетер*, *Венца* в нижний мир планет околоземной группы. *Одиннадцатая* сефира невидима, но ведома и представляет собой идею *осознания* и *сознания*. На древе она никогда не указывается, принадлежа к посвященным тайнам кабалистики.

Да-ат это Достоевский-отец (*ат*); это великое ДА жизни, произнесённое тихим голосом Макара Долгорукого, бродячим русским *гностиком*, *познание* мира которого было согрето огненным морем любви к Богу и миру. На чёрную кляксу Ставрогина было отвечено белым облаком Долгорукого в оппозиционном «Бесам» романе.

Достоевский, безусловно, величайший мыслитель русского XIX века, причём не холодный скептик поражения, но в муках прорвавшийся к свету оптимист. И бифуркационная раскляченность ситуации заставила его брезгливо не обращать внимания на не вмещающуюся в гармонию «Золотого Века» отрицательную часть панорамы. «Я тысячу раз дивился на эту способность (человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно. Широко ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведёт, или просто подлость – вот вопрос!»²⁵

Через несколько лет в «Братьях Карамазовых» устами Дмитрия он же сам ответил: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил». И поясняет: «Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину горит, как и в юные беспорочные годы». Здесь прямая переключка с «Подростком». И далее (после приведённого выше резюме): «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ли ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Здесь поражает именно высочайшая степень *самосознания*, которая многое объясняет, тем самым, нейтрализуя зло, и **ничего не оправдывает**. А ведь сколь многие всерьёз считают, что *объяснить значит оправдать*, подменяя земными уставами небесное законодательство.

²⁵ «Подросток», гл. третья, I (ПСС 13; 307).

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

Но *знание* не бывает избирательным по отношению к целостному бытию. Этим оно отличается от розовощёкого идеализма, и только окунание в контрастные среды даёт эффект закалки.

Одиннадцать и *одиннадцать* (день плюс месяц) дают в сумме таротное число 22, чем демонстрируется посвятительная высота Пушкинского наследника.

О героическом характере несгибаемого петрашевца свидетельствует праздник в честь павших Воинов, отмечавшийся в стране викингов Норвегии 11-го ноября. *Благодарная память* – ею Достоевский отличался в полной мере; это и было введением в апологетику человеческого *достоинства*, в которой ему не было равных. Ещё бы! Ведь именно его, своего духовного сына, напутствовал Пушкин великими стихами:

Самостоянье человека,
Залог величия его.

Об этом Одиннадцатый аркан Тарота *Сила*. Но именно *нравственная сила* рыцарей цивилизованных времён. Вспомним «Духовного рыцаря» Ивана Лопухина – орденский катехизис русского масонства. Достоевский довёл его в «Подростке» до монументального *Ордена Чести*, завершив и увенчав строительство.

К XIX веку стало ясно, что великий розенкрейцерский принцип «Знание-сила», провозглашённый публично Френсисом Беконном, но являющийся пришедшим из глубины веков атлантическим наследием, безапелляционно верен и является фундаментальным для всего здания человеческой культуры. Во времена Достоевского этот принцип вошёл в самую толщу русской народной эзотерики, стал основной идеей гностиков-странников, что и было ярко явлено в образе Макара Долгорукого, дополняющего идею *Ордена Чести* с *другой стороны*.

В благостной религиозной бормотухе Макара под завесой псевдоневежества звучит такая интерпретация книги Бытия: «...недаром Бог вдунул в него дыхание жизни: “Живи и познай”». Это капитально корреktированный гностиком из народа эпизод

творения Адама, трактующий способность человека к *познанию* как высший *дар божий*, харизму и благодать.²⁶

Получается: *Знание – Даат*, **Одиннадцатая** сефира Кабалистического древа = *Сила – Одиннадцатый* аркан Таро. А это уже откровение, вспышка света, освещающая многие тайны панорамы бытия.

Но это не всё.

Масть пантаклей-динариев (вспомним о Юноне-монете, Юноне единственно правильной) характеризуется наличием обязательной двухсторонности объекта, на аверсе которого изображена *пентаграмма* – символ человека, а на реверсе – *гексаграмма*, образ космоса с его принципиальной “двуполюсностью”, изображаемой эволютивным и инволютивным треугольниками, пронизываемыми друг друга. Сумма углов двух фигур: $5+6=11$. Это и числовые значения двух букв, входящих в Четырёхбуквие $\eta\theta\psi$: η Хе=5, ψ Вау=6 (арканы *Жрец* и *Возлюбленный*).

Два Хе (5+5) в Тетраграмматоне уравнивают в числовом отношении Йод (10), а баланс устанавливается вокруг оси Вау, реализуя принцип *весов*, фундаментальный для структуры мироздания.

Но картина начинает потрясать ещё более, когда выясняется, что максимально далёкий от мусульманства Пушкин вдохновлялся поэзией арабийского пророка больше, чем наследием пророков библейских. Солнечно-ироничный потомок арапа Петра Великого – и начисто лишённый чувства юмора болезненный экстатик Магомет, писавший свой Коран в полумгле пещеры... – какой контраст! И, однако, Пушкин припаялся к велеречивому эпилептику надолго: «подражания» образовали целый цикл из девяти произведений. Но и «священная болезнь», которую Пушкин воспринял вместе с высоким и раскованным профетизмом полуграмотного погонщика верблюдов, передалась смоделированному им *русскому пророку*, коего он породил и подготовил «глаголом жечь сердца людей». И Достоевский *очень* чувствовал всю жизнь эту двойную привязку.

²⁶ В оригинале: «и создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, II, 7).

По всем произведениям – особенно итоговому пятикнижию – проходят многочисленные переключки с героем Пушкинских «Подражаний Корану». Здесь и «тварь дрожащая» Раскольникова, и святая эпилепсия князя Мышкина, и бегство Ставрогина «из Мекки в Медину» накануне самоубийства, и суфийская апологетика *знания* глашатаем орденской культуры Версиловым в унисон народной гностике Макара Долгорукова, и полёт Смешного с осмотром «всех владений Аллаховых», и, наконец, всё вместе взятое в «Братьях Карамазовых».

Арабский язык – в параллель ивриту Тарота и Кабалы – фиксирует соответствующие тонкости глубины.

Так, Высшее имя, лежащее в основе всей единой действительности в арабском языке هو, HW, OH(o) точно соответствует структуре пантакля, ибо H – это 7 (5), а W – 1 (6), а смысл: OH(o) является изображением монеты спереди, сбоку и сзади. Таковы же и числовые значения букв и особенно их сумма, отображающая слово, поскольку местоимения считаются более подходящими для передачи тайны Божества, чем имена. Из всех возможных определений «Оно» наименее определено и таким образом находится над всеми конкретными описаниями и названиями, и предшествует им как их высшая сущность.

С грамматической точки зрения HW(XY) – это местоимение третьего лица; но местоимения находятся ближе всего к тайне реальности. Лексическое значение арабского слова «местоимение» ضمير ДаМИР, «смысл», «совесть», «самое сокровенное», уже наводит на догадку об этой связи.

Унисон Достоевского с творцом Корана усиливается ещё больше, когда выясняется, что числовое значение имени Аллаха – 66! الله ALЛаХ: $1+30+30+5=66$ (аЛиФ – 1; два ЛЯМ по 30; ХА – 5). Фёдору Михайловичу просто деваться было некуда, кроме как въехать в пророческий дар с эпилепсией в придачу аравийского мессии!

Он и въехал. И расположился в нём настолько по хозяйски, что титул «жестокий талант» явился реакцией «бабьего царства» развращённых тургеневской патокой русских обывателей на его мусульманскую мужественность бывшего каторжанина. И чего здесь больше: мистической генетики – или сурового десятилетнего воспитания в казахской глуши?..

Ведь *Семипалатинск* – в аспекте восторженного созерцания небес вместе с бароном Врангелем (именно его воспоминания сохранили нам этот эпизод) – трактуется в космическом смысле: *семь палат* – *семь планет* Солнечной системы (вспомним о поэме на эту тему Низами «*Семь красавиц*»).

Высокий среднеазиатский символизм, притчевость в каждом элементе повествования, малая забота о бытовом правдоподобии сюжета делают романы Достоевского не драмами людей, а *драмами идей*. Персонажи являются лишь их носителями – а часто и *через силу* – носителями. Слова *идея* и *мысль* прошивают всё Пятикнижие насквозь, не позволяя спуститься вниманию читателя в суету сюжетных перипетий рассказа. Смерч смертей и гора трупов (в «Бесах» по ходу дела гибнет 13 человек!), которыми пытается увлечь читателя *драматург*, тут же аннулируются и нейтрализуются *мыслителем*, и борьба с переменным успехом этих «нанайских мальчиков», в сущности, занимает более всего. То же можно сказать и о других контрастных парах: верующий – и атеист, традиционалист и новатор, западник – и славянофил, революционер – и охранитель.

Всё это противоречивое PRO et CONTRA организовано и слепо намертво эзотерической архитектурной, мандаловидными структурами планов: Север = Дух – Юг = Плоть; Запад = Смерть – Восток = Жизнь. Но к ним прибавляется то, чего нет на Востоке (даже в грандиозных композициях Боробудура и Ангкор-вата), а именно: Надир своеволия и богооставленности и Зенит Царствия Божьего и Рая растворения в любви к Божеству.

Арабское *وله*, иЛяХ, Бог, считается, произошло от *وله* У(W)аЛаХ, *любовная страсть, потеря ума от любви*. Здесь намёк на несказанную тайну бытия, к которой можно приблизиться только в *любовном экстазе*. Первые две буквы арабского алфавита: аЛиФ, *ا* и БА *ب* дают *Вертикаль* Отца и *Горизонталь* Сына, но таинственным остаётся третье измерение – *глубина*. Хотя по традиции особое внимание уделяется точке под БА, которая даже получила название *لب الباء* ЛьюББУЛЬБА, ядро (сердце) БА, где ЛьюББУЛЬ это и есть русское *любовь*, особое свойство *сердца*.

То, что скрывали арабские мудрецы – *тайна точки*, которая суть **торцовая проекция перпендикуляра** к плоскости, где положены *горизонталь* и *вертикаль*. Таким образом, перпендикуляр

есть измерение *глубины* – символ и манифестация Святого Духа – самой неуловимой из трёх координат. Пункт под БА это *точка зрения* (из) *того* мира в *этот*. Слово точка, обладает огромным семантическим потенциалом и в языковом хозяйстве Достоевского.

Любопытно, что в арабском алфавите есть циклические формы, которые образуют *белые точки* внутри букв. И таких белых точек в 28 буквах арабики – 11!

В Хадисе говорится: Всё, что содержится в Коране, есть в первой Суре; всё, что содержится в первой Суре, есть в её первой строке; всё, что содержится в первой строке первой Суры, есть в первом слове этой строки; всё, что есть в первом слове первой строки первой Суры, есть в первой букве этого слова. И эта буква – БА ۞. Знаменательно, что с этой же буквы начинаются Тора и Евангелие от Иоанна, если оно пишется по-арабски. А – мужественно, Б – женственно; с Б начинается имя Великой Матери *Бина* в Кабале.

Коран *кабалистичен* по сути. Описанный на его страницах Аллах имеет Лик и имеет Руки. Руки Аллаха, выражая *мягкость* и *строгость*, охватывают всё творение – или Он даёт, или Он отбирает, или Он награждает, или Он наказывает. Вот они, PRO et CONTRA. 11 является тавтологической мультипликацией 1 (единицы); оно – сумма чисел 2, 3 и 6, обратные величины которых вместе дают 1 ($1/2 + 1/3 + 1/6$), возвращаясь к истоку.

Коран амбивалентен как гностический феномен; он суть книги *девы* – Коры; *девятка* «арабской цифири» это один к одному буква ۞ ВАВ, *шестая* по счёту и, соответственно, по числовому значению. А это *Шестой* аркан Таро *Возлюбленный*.

Но число *пять*, как нечётное, мужественно, тогда как *шесть*, как чётное (то есть способное делиться) – женственно. Но как мы видели, их сумма – одиннадцать – является оборотной стороной единицы.

Об этом свидетельствует и Данте:

Tu credi, che a me tuo pensier mei
Da quel chè primo, così come raia
Dall'un, se si conosce, il cinque e'1 sei.

Ты веруешь, что мысль твоя стремится
Ко мне из Первой так, как *пять* иль *шесть*
Из *единицы* ведомой лучится.

(БК, Рай, 15:55-57)

Пушкинская пятёрка является ещё и числом *тайдзы*, то есть комбинации *инь* (2) и *ян* (3), причём парадокс в том, что визуально и геометрически обе половины целого равны, а в смысле удельного веса неравновесны. Такова победительная доминация света, что наглядно демонстрирует звёздное небо над головой «...и нравственный закон внутри нас» – дополняет из глубины столетий почётный гражданин Кёнигсберга.

В этом и состоит феномен духовной магии Достоевского: распределяя проблему по половинам PRO и CONTRA, он нигде не подыгрывает свету из ложно понятой «необходимости быть оптимистом». Блюдя паритетность и нагнетая художественную выразительность *тьмы*, он ни на мгновение не сомневается в окончательной победе *света*, и тот никогда его не подводил. Партия Инквизитора в знаменитой «Легенде» из «Братьев Карамазовых» написана с такой мощью и логической неоспоримостью, что в области *ad voso* парировать его речь абсолютно нечем (Победоносцев ужасался и пенял Достоевскому за “чрезмерную” огненность его вербалистики). Но находится тайное оружие поцелуя, и этот “некорректный” с точки зрения правил игры ход оказывается её трансцендирующим исходом. **Свет создан, чтобы побеждать** – этим всё сказано.

Достоевский залезает во мрак таких глубин, что, кажется, свет оставлен позади безнадежно и навсегда. Но вот в шурфе поднимаешь голову вверх – и, как в телескоп, видишь самые отдалённые созвездия. – Ни слова “в простоте”, всё – **de profundis**.

Именно этим Достоевский похож на Данте. «Божественная комедия» также построена на числе 11. Каждый стих состоит из одиннадцати слогов, каждая из трёх частей – 33 (11X3) песен. К «Аду» добавлено вступление-увертюра, и он насчитывает 33+1 песни, что добивает общее количество песен в поэме до 100. Вот оно *достоинство Достоевского!* – Высшее гностическое достоинство великого художника, духовного сына *Солнца* русской поэзии

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

(100 – числовое значение 19-го Аркана *Солнце*). Отсюда и возраст *Аркадия* (посланца страны Блаженных), в котором с ним происходят описанные в «Подростке» события. Он имел двух отцов и от каждого получил свою часть универсального гнозиса. Только такая дуплекс-сфера знания смогла противостоять «идее Ротшильда», вытеснив её из души вступившего в пору духовного Возрождения (20-й аркан *Воскресение*) двадцатилетнего уже *не* подростка – молодого человека.

Достоевский насквозь кабалистичен. Уже было сказано, что МЫСЛЬ и её производное ИДЕЯ являются главными героями всех пяти его последних романов. МЫСЛЬ для Достоевского изначальна и фундаментальна. Но об этом же говорится и в *Зогаре*, «Книге Сияния»: *всё сначала было в мыслях Бога*. МаХаШиБаХ в иврите имеет то же числовое значение, что и СиФиРаХ. Это уже намекает, что слова “мышление” и “сфера”, в конце концов, одно и то же. Что правильно мыслить можно только сферично, то есть кабалистически.

Но Кабала фундаментально отличается и от диалектики в аспекте бесконечных PRO и CONTRA Достоевского. Диалектика разворачивает последовательную цепь: *тезис* → *антитезис* → *синтез*. Синтез примиряет враждующие постулаты и аннулирует их прошлую оппозиционность.

Не то Кабала. В ней контрастные половины разведены по обе стороны среднего *Столба Равновесия*, который абсолютно подобен *оси весов*, и равновесие чаш (если такое случается) не снимает их противоречивого противопоставления. *Строгость* и *Милосердие* не синтезируются в нечто среднее; *ось* блюдет одну точность и непредвзятость взвешивания. Переместить ближе к Божеству (таково стратегическое задание Земной Школы) можно *только систему в целом*. **Зло на земле неуничтожимо, ибо борьба с ним – это и есть жизнь.** Таков фундаментальный принцип эзотерики. И Достоевский следует ему неукоснительно.

В бесконечных диспутах, диалогах и спорах-агонах он не подыгрывает ни одной из соревнующихся сторон, щедрой рукой насыпая аргументы на ту и другую чаши. Объективизм его кажется иезуитством – как же не выбрать *своих* и не подыграть им, потакая желанием читателей: «ну как не порадеть родному человечку?»

Опять же, бесконечность дискуссии рискует утомить ожидания и показаться невыносимо монотонной.

Но, как *титан*, Достоевский поднимает на своих плечах **всю систему**, а не одну лишь выгодную ему половину, да и выгоды никакой не видит в розовощёкой победе добра. Слившийся с Макаром в религиозной благостыне Версилев колет напополам завещанную ему икону чуть ли не у остывшего трупа святого странника; в момент возможности соединения с небесной Софией изменяет ей в пользу «царицы земной» Ахмаковой... и так далее. Мы дёргаемся – и вдруг замечаем, что это – наивернейший признак того, что *жизнь продолжается*, и, преодолевая неудовлетворённость от фабульной неразрешённости, мы стали чище и лучше.

Это – хрестоматийное свойство *бани*, не так ли?

На хрена ж было тратить столько усилий и дров, доводя воду и молоко в котлах до кипения, если шустрик Иван-дурак в них так и не сварился?

Так и *не преобразился бы*, не нырнув!

Пять котлов выстроил Достоевский в своём Пятикнижии, и от одного к другому градус повышается. «Бесы» – котёл с дёгтем, «Подросток» – с кипящим молоком (белизной заведует патриархально-олеографическая седина Макара Долгорукого). В «Преступлении и наказании» булькает разумихинский квас, а в «Идиоте» – подогретое до приятной теплоты кофе, подаваемое сёстрам Епанчиным прямо в постелю. В «Братьях» же – наэлектризованное бесноватым Дмитрием шампанское.

Да и место, где бы всё это должно было происходить – город Котлас, между болтающим Балтийским и кипящим Белым морями. «Нелюдимо наше море!» – откуда в России взяться гуманизму? Да и как могут быть гуманны кипящие в ожидании жертвы котлы? – «Кипит наш разум возмущённый!..» – и всё тут.

Достоевский не диалектик, Достоевский – кабалист. Достоевский не философ, Достоевский – эзотерик.

Ибо философия – наука умирать.

А эзотерика (и духовная культура в целом) – *искусство жить*. Этим всё сказано.

Только «жестокий талант» может быть подлинно оптимистичен. Ибо «через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Этой *осанне* верить можно.

«Арзамасским ужасом» она уже не обернётся.

Достоевский насквозь таротен. Соотнесение ключевых слов его произведений с содержанием соответствующих арканов поражает глубинным сходством. Не говоря о том, что «Идиот» полностью посвящён раскрытию гностического наполнения аркана, причём совпадение простирается до деталей. Игрой на клавишах 19-го, 20-го и 21-го арканов наполнен «Подросток» (с лирическими отступлениями в арканы 6-й и 15-й), в «Преступлении и наказании» доминирует содержание 12-го аркана с переворачиванием по ходу повествования главного героя «вверх пятами», говоря идиомами заключительного шедевра. Ну а в нём есть абсолютно всё.²⁷ Натально подключённый к аркану *Сила*, Достоевский связан через число месяца 66 с арканами 15-м *Сатанаил* и 6-м *Возлюбленный* (60 + 6). Как видим, от отца и учителя – ни на шаг! Пушкиным проникнуты и даже переполнены все произведения «Панчатантры» – впрямую называется его имя, цитируются произведения, создаются гностические пары. Например, «Идиот» полностью построен на «Рыцаре бедном», а, в контраст, «Подросток» – на «Рыцаре богатым (скупом)».

На основе пушкинских набросков Достоевский создаёт шедевр гностической мысли: **оксюморонное богословие**. Мало кто чувствует всю меру парадоксальности в словосочетании «скупой рыцарь», – настолько утратилось понимание слова *рыцарь* вообще. Но Достоевский усугубляет контрастность: Раскольников мечтает разбогатеть любым способом, в том числе и *переступив*; Ганя Иволгин в «Идиоте» мечтает стать в скаредном ростовщичестве «королём иудейским» – и все вспоминают в этот момент «проклятого жида, почтенного Соломона», забывая что барон обставил его в “жидовстве” во много раз. Наконец Аркадий Долгорукий прямо возымел *идею* стать *бароном* Ротшильдом (оба *жида* «Скупого рыцаря» объединились здесь в одно целое), чтобы прямо сделаться *властителем полумира* без всяких наполеоновских хлопот.

²⁷ См. мою статью «Встреча трёх заветов» в альманахе Достоевский и мировая культура 9. М, 1997 г.

Экзегеты эзотерики давно заметили всю нелепость употребления по отношению к Христу выражения «царь Иудейский». Достоевский тычет нас носом в ганечкиного «*короля Иудейского*» или проще *малека-царя*, давая понять, сколь нелепо это выпреннее название к завету-заповеди Иисуса «блаженны нищие» и принципиальному нищенствованию первых христианских общин.

Или: противопоставление сладострастной паучихи Клеопатры «Египетских ночей» – небесной Софии, образ которой проходит по всем романам Пятикнижия.

В «Преступлении и наказании» паучиха только выглядывает из своевольной и гордой Дуни – Афродита Урания дана «вечной Сонечкой», высшей точкой **фило-Софии** Достоевского.

В «Идиоте» и Аглая и Настасья Филипповна – Клеопатры; София – Премудрость Божия представлена своей дочерью Верой (Лебедевой).

В «Бесах» София снижена до скромной офени Софьи Матвеевны, последнем утешении Степана Верховенского; паучихи – все остальные женские персонажи в разной степени.

В «Подростке» *вечная Сонечка* снова солнечно заливает светом все страницы произведения; ей противостоит мадам Ахмакова – самая “клеопатристая” во всём Пятикнижии.

В «Братьях Карамазовых» сынами Софьи, затюканной и бессловесной, являются два младших брата Иван и Алексей, распояс Дмитрий – сын аристократической Аделаиды, и он выпадает из мистериальных глубин «Легенды о Великом инквизиторе». Карикатурной Клеопатрой представлена Лиза Хохлакова, но и Екатерина Ивановна и Грушенька – паучихи хоть куда. – Да и некуда.

А ведь вся эта драматургия – выбор между любовью земной и любовью небесной *Возлюбленного Шестого аркана!* – сиречь Пушкинское метание между Ушаковой («моей») и Гончаровой («моей же»), в котором “удар ниже пояса” оказался неотразим... и заранее очертил мишень для смертельного выстрела.

Вот она, *Таро*-ватость Достоевского!

В заключение – свод коранических мест из последних романов “русского Магомета”.

Кстати, Магомет для русского человека говорил по-французски – не только потому, что Коран был распространён в

России во французском переводе, но и потому, что арабийский пророк стал известен для европейцев благодаря пьесе Вальтера «Магомет» – лучшем произведении французской драматургии XVIII века.

Итак:

«Что же, в самом деле, делать с действительностью? Ведь это самое бывало же, ведь он сам же успевал сказать себе в ту самую секунду, что эта секунда, по беспредельному счастью, им вполне ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоить всей жизни. “В этот момент, – как говорил он однажды Рогожину, в Москве, во время тамошних сходов, – в этот момент мне как-то становится понятно необыкновенное слово о том, что *времени больше не будет*. Вероятно, – прибавил он, улыбаясь, – это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы”».²⁸

Это «Идиот». А вот та же тема в «Бесах»:

«Берегитесь, Кириллов, я слышал, что именно так падучая начинается. Мне *один эпилептик* подробно описывал это предварительное ощущение перед припадком, точь-в-точь как вы; пять секунд и он назначал и говорил, что более нельзя вынести. Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетал на коне своём рай. Кувшин – это тоже пять секунд; слишком напоминает вашу гармонию, а Магомет был эпилептик».²⁹

Разговор завершается в «Братьях Карамазовых» в связи со «священной болезнью» Смердякова.

А вот свидетельство самого «одного эпилептика», сохранённое Софьей Ковалевской: «Вы все, здоровые люди <...> и не подозреваете, что такое счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своём Коране, что видел рай и был в нём. Все *умные дураки* убеждены, что он просто лгун и обманщик.

²⁸ ПСС т. 8 Л. 1973; 188-189.

²⁹ ПСС т. 10 Л. 1974; 451 (курсив мой. – ОК).

Ан нет! Он не лжёт! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я». ³⁰

Апология арабского пророка началась ещё в «Двойнике» в связи с общим отношением «православных» к Магомету как к самозванцу и еретику:

«Тут господин Голядкин-старший заметил, что турки правы в некотором отношении, призывая даже во сне имя Божие. Потом, не соглашаясь, впрочем, с иными учёными в иных клеветах, взводимых на турецкого пророка Мухаммеда, и признавая его в своём роде великим политиком...» и т. д. В журнальной публикации было сказано ещё категоричнее: «Восстановим, между прочим, несколько замаранную, посредством разных немецких учёных, репутацию *общего нашего друга* Мухаммеда, пророка турецкого...» ³¹

В «Преступлении и наказании» Раскольников уже думает восторженно:

«О, как я понимаю “пророка”, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся “дрожащая” тварь! Прав, прав “пророк”...» и т. д. ³²

В философских беседах Версилова в «Подростке» планка поднимается ещё выше – экстаз сменяет спокойная убеждённость:

«Где-то в Коране Аллах повелевает пророку взирать на “строптивых” как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно». ³³

И, наконец, парируя выпады своих оппонентов, пытавшихся дискредитировать его как мыслителя, Достоевский прямо прибегает к высказыванию Магомета в подобной же ситуации и по аналогичному поводу, слегка перефразировав соответственно своему случаю:

«Книжные вы люди, ослы, навьюченные книгами». ³⁴

³⁰ Цит. По ПСС т. 9; 442 (курсив мой. – ОК).

³¹ ПСС т. 1; 158, 410 (курсив мой. – ОК).

³² ПСС т. 6; 212.

³³ ПСС т. 13; 175.

³⁴ ПСС т. 24; 277. В оригинале (Коран, сура 62; 5): «Те, кому было дано нести Тору, а они её не понесли, подобны ослу, который несёт книги». Коран. М, 1963. Пер. И. Ю. Крачковского.

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.'А

Общение с Кораном и его Творцом происходило у Достоевского через пушкинский духовный и художественный опыт. В итоговой Пушкинской речи он подводит черту и суммирует:

«Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом (только что он упомянул Джона Баньена – ОК) религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила её?»

И резюмирует, причём теперь мы видим, что его слова относятся и к нему самому в полной мере:

«Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине её, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось».³⁵

Но с другой стороны: какие народы *чужие* Адаму *Возлюбленного*?

³⁵ ПСС т. 26; 146.